В. П. Данилов: научный оппонент «Великого Перелома»[1]

С. А. Красильников

Сергей Александрович Красильников, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: krass49@gmail.com

Аннотация. Прошедший век оставил глубокий след в жизни и судьбе не только отечественного крестьянства как цивилизационной для нашей страны социокультурной общности, но и в деятельности историков, ее изучавших. К их числу, безусловно, необходимо отнести замечательного крестьяноведа Виктора Петровича Данилова. Один из немногих историков советской эпохи, он пользовался заслуженным уважением исследователей по обе стороны границы, доказав своей деятельностью способность создать платформу для их творческого союза в реализации крупных серийных документальных изданий, посвященных драматической истории советского крестьянства в эпоху радикальной этатизации аграрной экономики. Цель статьи заключается в оценке профессионального и личного опыта общения с ученым одного из участников известных даниловских проектов, представителя следующего поколения историков, профессионально выросших за время совместной работы с ним. Рассматриваются некоторые принципы коллективной работы над серийными документальными изданиями, возникавшие в процессе их подготовки трудности и способы их преодоления, позволившие достичь конечных результатов. Отмечено особое место, которое в творчестве ученого занимала разработка проблематики альтернативности в отечественных трансформациях 1920-х годов. Своим последовательным отстаиванием неприятия сталинского решения крестьянского вопроса даниловское наследие служит нравственным вызовом конформизму как одной из распространенных корпоративных болезней историков.

Ключевые слова: крестьяноведение, В. П. Данилов, Н. И. Бухарин, исторические альтернативы, сталинизм, проекты серийных документальных изданий

EDN FSHBKB

Всем, кто трудился рядом с Виктором Петровичем Даниловым, вне зависимости от длительности работы, дорога память о нем, которую каждый из нас несет и сохраняет в себе. Данный текст, ни в коей мере не претендующий на научную объективность, создан историком более младшего, чем Данилов, поколения, которому выпала удача сотрудничать с ним в различных проектах последних пятна-

1. Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024- 0005).

дцати лет его жизни. Автор касается только некоторых сторон совместной работы с Виктором Петровичем, не пытаясь дать оценку другим многогранным аспектам деятельности этого исследователя.

Весной 1987 года у нас, новосибирских историков, появилась редкая по тем временам возможность — получить двухмесячную стажировку в профильный Институт истории СССР благодаря действовавшему соглашению по линии «АН — Сибирское отделение» для молодых ученых, которым в основном пользовались представители естественных наук. Но в тот год историкам повезло — появилась небольшая квота с гарантированным поселением на время стажировки в одном из общежитий Академии наук. Так я оказался в Москве, прикрепленным к сектору истории культуры московского института. Опуская чисто рутинные вещи, связанные с работой в архивах и библиотеках (особенно в спецхране Ленинки), я не могу пройти мимо события, о котором в исторических и околоисторических кругах тогда говорили все: усилиями ректора Московского историко-архивного института Юрия Николаевича Афанасьева был организован цикл выступлений перед студентами известных отечественных историков, прежде всего о новых веяниях в науке. Их быстро окрестили «Афанасьевскими чтениями».

Не могу сказать, что я стремился попасть на все мероприятия, но не пропустил выступления трех историков. Двоих из них уже знал лично: историка культуры Юрия Степановича Борисова, из сектора, где я стажировался, и Виталия Семеновича Лельчука, специалиста по истории индустриализации. Третьим был историк-крестьяновед Виктор Петрович Данилов, с которым ранее не приходилось встречаться, т.к. в Новосибирск на конференции он не ездил. Атмосфера на открытых лекциях была нестандартной — народу в относительно небольшой актовый зал старого здания института набивалось столько, что было принято решение устраивать трансляцию для тех, кто не попадал в помещение. Поскольку оно располагалось на первом этаже и стояла теплая погода, то окна оставались открытыми, и можно было, находясь снаружи, тоже что-то услышать. Скопление публики на улице вызывало у проходивших мимо покупателей ГУМа неизменное удивление и интерес — а что же там такое «дают»? А там давали свои открытые лекции историки. Кстати, очень резонансным оказалось выступление Ю. С. Борисова, который, будучи хорошим оратором, назвал к тому же свою лекцию ярко: «Сталин: человек и символ»[2]. Виктор Петро-

2. Сын Ю. С. Борисова вспоминает: «...лекция была прочитана в МГИАИ при первых дуновениях “гласности” и называлась “Сталин: человек и символ”. <...> Объявлений о предстоящей лекции не было нигде, кроме фойе того же МГИАИ, и все же нарядам конной милиции пришлось перегородить Никольскую (тогда еще — улицу 25 Октября) с обеих сторон. Прорываясь сквозь толпу на собственное выступление за полчаса до его начала, он вначале разорвал пиджак, а у самых дверей — в стыч-

вич рассказывал о проблематике коллективизации и судьбах советского крестьянства тоже далеко не «хрестоматийно».

Через некоторое время мы неожиданно пересеклись с Виктором Петровичем не в Институте истории, хотя комнаты культурологов и крестьяноведов были совсем рядом, а на площадке у входа в метро, которая была для сотрудников Института логистической привязкой. Подойдя к нему, я представился как новосибирский историк, проходивший стажировку, но, естественно, поводом все же было выступление Данилова на «Афанасьевских чтениях». У себя в Новосибирском университете я уже читал лекции студентам по истории раннесоветского периода (1920–1930-х гг.), и меня «зацепило» в том самом выступлении Виктора Петровича упоминание о Бухарине как о носителе иной, не сталинской, альтернативы. К тому времени я также уже познакомился с некоторыми работами Бухарина в спецхране. К моему облегчению, Виктор Петрович не «обрезал» вежливо разговор, что вполне могло произойти, но мы условились продолжить общение уже не на ходу. Так оно и случилось. Периодически я встречался с ним в Институте, и у нас складывалось взаимное понимание того, что бухаринская проблематика — одна из ключевых для осмысления природы «Великого Перелома». Словом, Бухарин стал неожиданной, но, как оказалось, органичной «смычкой», мостиком между мной, как историком интеллигенции, и признанным крестьяноведом, положившим начало нашему общению в последующие семнадцать лет. В моем понимании, тогдашнем, да и нынешнем, Бухарин представлял собой яркий тип интеллигента во власти, чем объясняется многое в его поведении как политика, а Виктор Петрович смотрел и оценивал его шире и глубже, не только как политика, но и как символа и носителя типа власти, альтернативного сталинскому.

Если сжато описывать наше сотрудничество в последующие три года в рамках изучения и публикации части бухаринского наследия, то, безусловно, мы ощущали немалую конкуренцию в данной сфере с другими группами историков, и это нас стимулировало на то, чтобы работать качественно. Так, нам удалось осуществить к 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина переиздание его знаменитой статьи «Заметки экономиста» с предисловием под названием «Оппонент “Великого Перелома”» и научными примечаниями к ней в известном журнале «ЭКО», издававшемся на базе Новосибирского института экономики немалым тиражом, более чем в 160 тыс. экземпляров (Данилов, Красильников, 1988: 45–54). Более значи-

ке с милиционерами, не желавшими признавать в нем лектора — потерял половину пуговиц на рубашке — и так потом и читал — в ставшем крошечным переполненном актовом зале. Вместе с большинством, не попавшим в зал, я слушал двухчасовую лекцию и занявшие такое же время ответы на вопросы в коридоре, куда были вынесены динамики» (Борисов, 2000: 14).

тельным по длительности и затратам усилий с нашей стороны стал реализованный спустя два года издательский проект по републикации с примечаниями ряда избранных произведений Бухарина под названием «Путь к социализму», изданный Сибирским отделением издательства «Наука» тиражом в 125,5 тыс. экземпляров (Данилов, Красильников, 1990: V–XXVI). Цифры тиражей приведены здесь вовсе не из тщеславия (пятидесяти–стотысячные тиражи переизданий бухаринских работ считались в то время нормой, учитывая широкий интерес самой разнообразной аудитории), важным было то, что наши «периферийные» издания выдерживали конкуренцию с московскими («Политиздат», «Наука»), очевидно не уступая им в объеме и качестве научных примечаний.

Здесь мне хотелось бы сделать некоторую ремарку. Научное сопровождение при публикации первоисточников (будь то тексты авторов или документы) относится к особому аналитическому жанру. Нередко встречаются чисто формальные примечания (что, где, когда), помещение биосправок на упомянутых в текстах персон и т.д., выполняющие функции скорее технического, нежели содержательного характера. Работая над републикациями бухаринских работ вместе с Виктором Петровичем, я проходил, образно говоря, «курс молодого бойца», приобретая профессиональный опыт, начиная от разметки для примечаний и заканчивая затем наполнением их качественными пояснениями, необходимыми тому читателю, который все же интересуется информацией в примечаниях, расширяющих и восполняющих имеющуюся в самих публикуемых текстах. Данный опыт оказался жизненно важным для следующей стадии нашей совместной с Даниловым работы, занявшей первую половину 1990-х годов. Речь идет о серийном документальном научном издании «Спецпереселенцы в Западной Сибири», хронологически охватывавшем период с 1930 по 1945 год и выходившем с нашими предисловиями четырьмя выпусками в 1992–1996 годах в новосибирских издательствах «Наука» и «ЭКОР» сравнительно небольшими тиражами (1500–2000 экз.) (Данилов, Красильников, 1992: 3–16; 1993: 3–9; 1994: 3–11; 1996: 3–13). Это издание в некоторой степени следует считать одной из экспериментальных площадок, или «точек вызревания» для появления в скором будущем инициированных Виктором Петровичем фундаментальных документальных издательских проектов «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД».

Несколько пояснений относительно обстоятельств нашей пятилетней работы над «Спецпереселенцами», проходившей совместно с местными и московскими историками и архивистами. Фактически первая половина 1990-х годов являлась временем очень интенсивной разработки совершенно новой для историков-крестьяноведов проблематики *репрессивного раскрестьянивания* (в противовес идеолого-пропагандистскому штампу *раскулачивание*, от которого историки начинали отходить путем его упоминания в публика-

циях в закавыченном виде). Почти синхронно формировались историко-архивные коллективы, выпускавшие документальные издания в трех основных регионах размещения депортированных крестьянских семей: Северный край (Ивницкий, Макуров, 1991), Урал (Алексеев, 1993), Западная Сибирь (Данилов, Красильников, 1992). Обстоятельством, облегчавшим работу над изданиями, являлось то, что уже с конца 1980-х годов региональные государственные архивы начинали рассекречивать свои спецхраны, происходили сдвиги и в бывшем Архиве Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне ГА РФ). Осложняющим моментом выступало то, что вплоть до 1992 года партийные архивы стремились сохранять прежние ограничения и режим работы с документами. Впрочем, как становилось ясно исследователям, даже имевшейся в фондах госархивов документации было минимально достаточно для понимания, пусть пока в самых общих чертах, директивных решений, а тем более механизмов реализации их на региональном и местном уровнях. Мной двигал еще и личный мотив (я родился и в детстве рос в глухом таежном спецпереселенческом поселке для лесозаготовителей в Нарымском крае, будучи по материнской линии внуком депортированных). Когда я с 1988 года приступил к архивным поискам причин и корней крестьянской ссылки, то встретил полное понимание со стороны Виктора Петровича, которое стало залогом дальнейшего сотрудничества при разработке данной линии деревенской трагедии на документальных источниках.

На «входе» мы обсудили «матрицу» издания, где структурно потребовалось обозначить трехуровневую директивную вертикаль государственного насилия (Центр — Западносибирский регион — районы размещения репрессированных) и режимную горизонталь (организация комендатур, режим, эксплуатация труда, инфраструктура и повседневность спецпоселений). Данная структура в целом нами воспроизводилась при освещении пятнадцатилетнего периода: с фазы создания крестьянской ссылки до окончания Отечественной войны. Поиски документального соединения упомянутых выше вертикали насилия и горизонтали повседневной режимности комендатур шли одновременно с концептуальным осмыслением новой для отечественного исторического крестьяноведения предметной области, которым не особенно располагали и зарубежные историки. Осмысливая пройденное, как участник поисков, могу заверить, что над нами висело известное проклятие «идти за источниками», то есть некритически воспринимать интенции и логику создателей документов. Особенной магией обладали документы с грифами, и уж тем более сверхдоверием пользовалась статистика охранительных органов, практически не подвергавшаяся сомнению и критике, поскольку, как правило, имела кумулятивный, завершенный вид, а первичные сведения для исследователей оказываются практически недоступными. Методом проб и ошибок мы все же отчасти «оконтурили» проблему, определив ее как осо-

бую, репрессивную разновидность исторического процесса отечественного раскрестьянивания. Это позволило нам подходить к феномену депортированного крестьянства через изучение того, какие черты сохраняли и какие характеристики утрачивали крестьянские семьи в условиях несвободы. В этом вопросе исследователи недалеко продвинулись и сегодня, три десятилетия спустя. В силу характера источников мы фиксировали внутренний мир крестьянских спецпоселений глазами охранителей, однако не преуспели в изучении того, что представлял собой собственно комендантский корпус. Тем не менее к моменту формирования двух инициированных Виктором Петровичем международных проектов по изданию источников, о которых говорилось выше, было очевидным, что тематика репрессивного раскрестьянивания станет в них одним из сквозных и приоритетных направлений благодаря накопленному к тому времени опыту участников проекта, прежде всего самого Виктора Петровича и Николая Алексеевича Ивницкого.

Оба издания («Трагедия» и «Деревня»), реализация которых в общей сложности заняла около десятка лет и работа над которыми осуществлялась при жизни Виктора Петровича практически синхронно, безусловно, следует охарактеризовать как фундаментальные проекты по серийной публикации документов раннесоветской эпохи. Проекты, которые отечественные и зарубежные историки справедливо именуют «даниловскими», еще ждут своей непредвзятой аналитической оценки историографов и источниковедов, на которую не имею права претендовать, поскольку находился внутри рабочего коллектива всех пяти томов «Трагедии» и четвертого тома «Деревни». Мои функции во втором проекте очерчивались обязанностями члена редколлегии томов, одного из составителей и авторов примечаний. Некоторая особость заключалась в том, что я являлся в проекте представителем провинциальных историков (наряду с В. В. Кондрашиным) среди тех московских историков и архивистов, состав которых определял Виктор Петрович. В летнее время происходили мои протяженностью в месяц поездки в Москву, в ходе которых доводилось интенсивно работать с корпусом документов, отбиравшихся для конкретного тома. Просматривая и анализируя «кубокилометры» (как я это в шутку называл) отснятых в базовых архивах ксероксов, я общался с каждым из ответственных редакторов томов (с Виктором Петровичем, Николаем Алексеевичем Ивницким, Ильей Евгеньевичем Зелениным, Юрием Александровичем Мошковым, Робертой Маннинг, Линн Виолой) и ответственными составителями томов. Как одному из составителей мне довелось работать во всех архивах, перечисленных в титулатурах томов, довыявляя недостающие документы, закрывая лакуны, которые обязательно возникали в процессе текущей деятельности у составителей.

Составителям документальных изданий известен непоколебимый принцип, положенный в основу выявления и отбора источ-

ников для последующей публикации: между количеством первоначально выявленных документов и отобранных на «выходе» существует дистанция значительного размера, и на этой практически марафонской дистанции при определении значимости, ценности того или иного источника происходит отсев множества документов. По функционалу, который мне отвел в проекте Виктор Петрович, приходилось участвовать на стадиях и выявления, и отсечения документов, занимаясь зачастую именно рутинной работой в проекте, понимая, что «каждый солдат знай свой маневр», зону своей ответственности.

Не могу, да и не вправе, оценивать работу других участников проекта, ответственных редакторов томов или ответственных составителей, в число которых помимо историков входили и архивисты из базовых федеральных архивов, поскольку именно на них ложился основной груз ответственности за каждый том. Если же судить по итогам, то вплоть до преждевременной кончины Виктора Петровича каждый из томов выходил на следующий год после предыдущего. За проект в целом, динамику работы коллектива, ресурсное обеспечение и т.д., безусловно, отвечал он сам, координируя свои действия с соредакторами, зарубежными коллегами, Робертой Маннинг и Линн Виолой. Здесь только отмечу такой, казалось бы, незаметный аспект, следование которому являлось одним из принципов работы всего коллектива. Существовала неформализованная, но важная договоренность о том, что выявленные и включенные в основной корпус для публикации в томах документы не должны были использоваться в той или иной форме (даже в извлечениях или с упоминанием информации из них) редакторами и составителями в своих научных трудах до выхода в свет того или иного тома. Так или иначе, но сам он соблюдал данный принцип жестко и неукоснительно. Перечитывая одну из его публикаций, посвященную альтернативам 1920-х годов (Данилов, 2001: 217–239), я заметил его ремарку, что значительный корпус документов о борьбе в верхнем партийном эшелоне, отраженный в стенограммах пленумов ЦК партии в 1928–1929 годах (вошел в пятитомное издание «Как ломали НЭП»), дает ценную информацию для раскрытия данной проблемы: «Издание вышло в свет после того, как данная статья была написана. *И хотя автор участвовал в подготовке этого издания, использовать публикуемые там материалы не считал возможным*» (курсив мой. — *С. К.*) (Данилов, 2001: 237).

После ухода из жизни Виктора Петровича весной 2004 года работа над завершением проекта «Трагедии советский деревни» продолжалась сравнительно удачно, и 5-й том в двух книгах, благодаря созданному к тому моменту документальному заделу и практически сохраненному ядру участников проекта (руководство подготовкой кн. 1 возглавлял Виктор Петрович), вышел без особенных задержек. О завершении другого, российско-французского проекта,

посвященного публикации корпуса документов и материалов исключительно чекистского делопроизводства («Советская деревня глазами...») хотелось сказать отдельно. Организационные хлопоты взяли на себя соратники Виктора Петровича: с российской стороны — Юрий Александрович Мошков и с французской — Алексей Берелович. Соответственно, тот и другой пригласили в редколлегию тома Николя Верта и меня. Вместе с уже работавшими в проекте сотрудниками Центрального архива ФСБ мы вчетвером, помимо традиционной редакторской деятельности и написания общего текста введения, участвовали также и в отборе документов и написании примечаний к документам. Организация и принципы работы в данном серийном издании практически не отличались от тех, что были в «Трагедии», да и составители от ЦА ФСБ (Н. М. Перемышленникова и Т. М. Голышкина) также входили в число его участников, поэтому организационных сбоев не происходило, а финансовое обеспечение проекта поддерживалось средствами как со стороны зарубежных организаций из Франции и Швеции, так и с помощью грантов Российского гуманитарного научного фонда (Берелович, Красильников, Мошков, 2012: 12–38).

Пишу об этом потому и для того, чтобы отдать дань памяти недавно ушедшему из жизни замечательному исследователю и соратнику Виктора Петровича — Юрию Александровичу Мошкову, с которым мы познакомились и работали вначале над 4-м томом «Трагедии», где он выступал ответственным редактором тома, а затем именно он инициировал мое участие в завершении проекта «Советская деревня...». Знающие его лучше меня ученики и коллеги по преподаванию на истфаке МГУ скорее всего согласятся с тем наблюдением, что я вынес из общения с ним, — в нем сочетались мягкость, открытость для общения и доброжелательность с громадным чувством собранности и ответственности за все то, за что он брался, не считаясь со своим здоровьем и другими профессиональными нагрузками. Его, наверное, как руководителя проекта отчасти тяготила функция администрирования, необходимость составления отчетной документации для РГНФ (хотя мало кому это нравится), походов по инстанциям и т.д. Но все эти нюансы компенсировались его профессиональным умением работать с источниками и чувствовать необходимость научного подхода к интерпретации содержавшейся в них информации, включая и отношение к самоназванию документов тех лет, содержавших терминологию того времени («контрреволюция», «перегибы», «саботаж», «отрицательные проявления» и многое другое).

Работая с чекистской документацией, мы хотели реализовать если не программу-максимум (придать научную интерпретацию самоназваниям документов, не воспроизводя язык их создателей), то осуществить хотя бы программу-минимум (закавычивать одиозную чекистскую фразеологию), как это делалось, пусть и не везде, в издании томов «Трагедии». На завершающем этапе работы с уже

отобранными для публикации документами мы с Юрием Александровичем подготовили, применительно к группе из примерно трети документов (для сотни из трехсот с лишним источников), названия в обоих вариантах, изрядно над этим потрудившись и поломав голову. Однако неожиданно для нас столкнулись с нежеланием архивистов-составителей что-либо менять в алгоритме работы над заголовками («как делали в предыдущих томах, сделаем так же и в этом»). Никакие заранее подготовленные аргументы с нашей стороны не возымели на них действия, и, выйдя после обсуждения, Юрий Александрович, сам огорчившись не меньше меня, резюмировал, что из-за этого расхождения позиций вокруг заглавий документов не должен нарушаться общий ход работы.

Но основная трудность, которая возникала в процессе нашей деятельности, заключалась в определении принципов отбора документов из чекистского делопроизводства, дабы не пересекаться с уже опубликованными источниками в вышедших 4-м и 5-м томах «Трагедии», а взаимодополнять последние. В частности, в 4-м томе с хронологическим охватом 1934–1936 годов они составляли примерно шестую часть издания. При этом по своей функциональной принадлежности они представляли собой в основном циркулировавшую внутри ведомства документацию, которая направлялась от нижестоящих управлений в центральный аппарат, из которого, в свою очередь, спускались директивы (циркуляры, приказы и т.д.) в республиканские и региональные органы НКВД. Направленность нашего отбора для тома «Деревни» состояла в том, что, помимо внутриведомственного документооборота, примерно в том же объеме отбирались и публиковались спецсводки, сообщения и другие материалы, направляемые высшему партийному руководству страны (Сталину и секретарям ЦК), о проведении репрессивных операций, ходе массовых «хозполиткампаний», кадровых «чистках» внутри звеньев колхозно-совхозных структур управления и т.д. Данный принцип позволял соотнести внутриведомственный информационный поток с внешним, шедшим на самый верхний партийный управленческий уровень. И с этой основной задачей мы вместе с основными составителями, пожалуй, справились. Основным мотивом, который нами двигал, было стремление достойно и профессионально завершить даниловский проект, которому Виктор Петрович придавал не менее важное значение, чем «Трагедии».

От работы в указанных проектах остались самые теплые впечатления, чему способствовало крайне редкое стечение сразу нескольких позитивных для профессиональных историков факторов: изменение социально-политических условий для работы после 1991 года; открытие спецхранов в государственных архивах и определенные возможности работы в ведомственных архивохранилищах; возможности создания совместных коллективов отечественных историков и архивистов с учеными других, прежде всего, западных стран; появление грантовой поддержки со стороны различных фондов для

осуществления научных исследований, в том числе в сфере публикаций источников. Внутри коллективов сложилась своего рода особая атмосфера взаимопонимания не только между отечественными и зарубежными коллегами, но и между несколькими поколениями историков, где при признании безусловного авторитета представителей старшей когорты работало на равных наше, среднее поколение. Примечательным было и то, что хотя ядро участников проекта формировалось из классических историков-крестьяноведов, тем не менее здесь, как в плавильном котле, «переваривались» носители и других субдисциплин, имевшие опыт работы в области политической, экономической, социальной и культурной истории; среди них важную роль играли архивисты, источниковеды. Именно опыт работы с крестьяноведами предопределил мою дальнейшую профессионализацию в сфере социальной истории, поскольку очевидно, что изучение всякой значимой социальной общности, будь то крестьяне, рабочие, специалисты, предприниматели и т.д., требует овладения навыками базовых субдисциплин и ориентирования в смежных сферах, необходимых для понимания основ жизнедеятельности этой общности.

В ситуации, когда из жизни ушли в силу возраста представители даниловского поколения, вероятно, допустимо отметить несколько черт характера Виктора Петровича, которые я наблюдал за годы общения с ним. Это — его человеческие качества, проявлявшиеся в его любви и заботе о своей семье, а также в дружбе с теми, кто был рядом с ним в трудные моменты гонений и профессиональной дискриминации, постигших его во второй половине 1960-х и в 1970-е годы. Разрывы с некоторыми из этих людей в 1990-е годы он переживал болезненно. Его не особенно интересовали академические привилегии, и его согласие участвовать в 1990-е годы в выборах в члены РАН было вызвано скорее тем, что его выдвигали. Он был историком с определенными принципами, не только профессиональными, но и этическими. Его позиция в отношении к Сталину и его режиму логически и нравственно вырастала на почве главного научного интереса его жизни, которым выступало отечественное крестьянство. И столь же логичным для него становились неприятие и жесткая критика политики постсоветских руководителей страны. Конъюнктурность и конформизм были для него неприемлемы, с чем считались и его оппоненты, и коллеги. При этом он в должной мере обладал и договороспособностью, и способностью к компромиссам в рабочих вопросах, иначе не было бы этих, ставших знаменитыми, даниловских документальных проектов, о которых речь шла выше.

Научной школы, в привычном и стандартном для науковедения понимании, у Виктора Петровича не сложилось потому, что в советское время преподавание было для него закрыто по известным причинам, а в 1990-е годы уже пришло время больших проектов, полностью отнимавших и силы, и время. Однако он притяги-

вал к себе более молодых историков и архивистов тем, как работал сам (по принципу «Делай как я»), а именно этому прежде всего и стоило у него поучиться, работая бок о бок с ним. Он умел работать в некомфортных для себя условиях, в том числе связанных с его физическим состоянием (в ходе работы над проектом «Трагедия» он сломал правую руку, однако загипсованность на несколько месяцев хотя и затрудняла, но не останавливала его деятельность). И здесь я поделюсь одним его личным воспоминанием, прозвучавшим в нашем разговоре, где он коснулся эпизода, случившегося в период апогея кампании по его критике. Он приехал на одно из крупных мероприятий историков-аграрников (кажется, в Вологде) также с травмой руки, но на вокзале никто из оргкомитета не удосужился его встретить, что создало для него определенные трудности, а в ходе самого мероприятия только ленивый в своем выступлении не обходился без критики в адрес Виктора Петровича. Так что, резюмировал он в нашем разговоре о травме, бывали травмы и побольнее физических. Хотя он крайне неохотно вспоминал об этом тяжелом для него периоде жизни, но говорил и о тех, кто неожиданно для него проявил сочувствие, упомянув о П. Л. Капице, который не лично, а через посредника, выразил ему поддержку.

Несколько лет мы работали вместе с ним в Экспертной секции РГНФ по проблематике отечественной истории XX в. в памятный и непростой период в становлении самого Фонда. Мне довелось работать там с такими известными историками, как Станислав Васильевич Тютюкин, Валентин Валентинович Шелохаев, Леонид Иосифович Бородкин. В процессе обсуждения возникали дискуссии по той или иной проектной заявке, и случалось, что приходилось возвращаться к уже рассмотренным еще раз, чтобы принять окончательное решение. И в то же время существовала договоренность, согласно которой при прочих равных аргументах преимущество мог получить проект из провинции перед московскими и питерскими. Да, в этом был заложен некоторый принцип «выравнивания», чтобы дать шанс реализовать себя проектным командам из других городов. И он на практике оправдывал себя, поскольку в ходе своей реализации проекты из провинции оказывались весьма успешными. Слово и мнение Виктора Петровича в этих обсуждениях имели свой вес, поскольку он практиковал приезды в Фонд для просмотра заявок и первичных экспертиз заранее, до дня проведения заседания секции, что является еще одним свидетельством его ответственности за взятые обязательства эксперта высокого уровня.

Не за все, что ему предлагалось и даже было ему интересно, он брался. Так, с ним в свое время обсуждался проект опубликования документов архивно-следственных дел (АСД), связанных с мифической «Трудовой крестьянской партией» и главными обвиняемыми по нему — Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чаяновым и другими учеными, экономистами и аграрниками. Виктор Петрович счел невозможным профессионально анализировать абсолютно фальсифи-

цированные протоколы допросов и так называемые признательные показания, которые содержались в этих делах. В наших разговорах на эту тему он апеллировал к неудачному, по его мнению, опыту петербургских историков, предпринявших публикацию АСД по столь же сфальсифицированному «Академическому делу». Тогда я с ним соглашался, однако прошло несколько лет, и мне самому с коллегами довелось готовить документальные публикации по печально знаменитым «вредительским» процессам в серии «Архивы Кремля» — «Шахтинскому» (1928) и «Промпартии» (1930). Здесь важно было найти базовый принцип: с максимально возможной полнотой реконструировать мотивы сталинского руководства и технологии чекистских приемов и методов создания фальсификатов, на основании которых проводились указанные квазисудебные открытые процессы. Насколько нам это удалось — дело критиков.

Завершая свои краткие воспоминания о совместной работе и взаимном дружеском общении с Виктором Петровичем, считаю возможным высказать собственную позицию по проблеме альтернативности происходивших в раннесоветской эпохе процессов и событий, которая представляется важнейшей для понимания этого периода истории. В широком смысле альтернативность (или вариативность) событий выступает атрибутивной, внутренней качественной характеристикой переломных эпох, какой, в частности, являлся для России/СССР период с 1914 по 1930 год. На данном отрезке предметом особого внимания и дискуссий широкого круга исследователей, включающего помимо историков также и экономистов, и социологов, и политологов, был и остается событийный узел конца 1920-х — начала 1930-х годов, когда определялся дальнейший выбор путей развития страны. Виктор Петрович являлся одним из исследователей, обосновывавших существование несталинской альтернативы, которую он обозначал как «бухаринскую». Аргументы приводились им в публичных выступлениях и статьях, важнейшими из которых являются две: первая вышла в свет в сборнике статей «Бухарин: человек, политик, ученый», а вторая, написанная десять лет спустя, была опубликована в сборнике «Этот противоречивый XX век» (Данилов, 1990: 82–130; Данилов, 2001: 217–239). Опуская весь перечень аргументов, мне кажется важным отметить его центральную мысль о том, что установление и упрочение сталинского режима не было неизбежным и объективно предопределенным результатом предшествовавших и последовавших затем событий. В той и другой статьях он утверждал: «За столкновением и борьбой бухаринской и сталинской позиций стояли принципиальные различия в понимании сущности нового строя и путей его организации, а также глубочайшие различия в отношении к целям и средствам, к власти и массам» (Данилов, 1990: 88; Данилов, 2001: 223). Я разделял ранее, разделяю и теперь именно такого рода широкую даниловскую трактовку событий сталинской «революции сверху», предлагающую рассматривать их в координатах

соответствий цели, средств и результатов, где речь идет о динамике разломов цивилизационного характера по осям «город — деревня», «власть — крестьянство».

Сторонники безальтернативности сталинского режима и его политики выступают невольными «пророками назад», ведя отсчет в своих построениях от Второй мировой войны, победный результат которой был обусловлен достижением технико-экономической независимости страны и сформированным мощным оборонным потенциалом в ходе индустриального рывка первых пятилеток. Зная итоги происшедших в стране преобразований, данные исследователи огорчены лишь «издержками» их осуществления в сталинском формате, считая при этом цену, несколько огрубляя, «высокой, но оправданной». Виктор Петрович, напротив, реконструируя «бухаринскую альтернативу», обращал внимание на те предостережения Бухарина о цене цивилизационных «разломов» по оси «власть — крестьянство», которые неизбежно порождал сталинский тезис об «обострении классовой борьбы» по мере строительства нового общества (по Бухарину, оппонировавшему Сталину в 1929 году, «у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду»). И не могу не привести даниловский комментарий: «Этот вывод, к сожалению, был пророческим: сталинская “революция сверху” сопровождалась и фактической гражданской войной против крестьянства, и голодом, унесшим миллионы жизней» (Данилов, 1990: 109; Данилов, 2001: 219). Кстати, сам Виктор Петрович в своих публикациях, насколько можно судить, не сопрягал сталинский курс с понятием «модернизация». В современной терминологии здесь речь идет о выборе между накоплением и сбережением унаследованного большевистским режимом человеческого капитала, или превращением последнего в «трудовой расходный ресурс» советской мобилизационной системы.

Оставляя в стороне то, что наработано за постсоветский период в отечественной и зарубежной историографии по проблемам альтернатив применительно к «развилке» конца 1920-х — начала 1930-х годов, поскольку это требует особого анализа, отметим, что, на наш взгляд, все постсоветское даниловское творчество и наследие можно рассматривать как последовательное документирование процесса, отчасти хаотичного, но в целом рукотворного уничтожения того самого потенциала несталинской альтернативы, о которой здесь идет речь. И водораздел между оппонентами Данилова и его сторонниками в данной продолжающейся так или иначе дискуссии состоит не в доказательствах утопичности и нереалистичности бухаринского варианта путей преобразования страны, а скорее в качественной реконструкции того, как последовательно уничтожались ресурсы для его осуществления. В пользу сказанного Виктором Петровичем в исследовательских статьях свидетельствуют документы серийных изданий, куда, помимо поименованных ранее «Трагедии...» и «Советской деревни...», с полным основани-

ем необходимо отнести и пятитомное издание стенограмм партийных пленумов 1928–1929 годов «Как ломали НЭП», где он являлся одним из ответственных редакторов, наряду с О. В. Хлевнюком и А. Ю. Ватлиным.

Безусловно, нет необходимости идеализировать Виктора Петровича и считать его непогрешимым и безупречным исследователем и человеком. У всех, кто трудился вместе с ним, есть «свой Данилов». Однако нас, пожалуй, объединит та его характеристика, которую определил с предельной ясностью мой коллега Никита Охотин: «Он являл собой особый и довольно редкий тип историка, которому в истории прежде всего был слышен нравственный императив» (Охотин, 2004).

Библиография

Алексеев В. В. (ред.) (1993). Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ Наука.

Борисов А. Ю. (2000). Юрий Степанович Борисов (1928–1998) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО–XX. С. 9–20.

Берелович А., Красильников С., Мошков Ю. (ред.) (2012). Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939. М.: РОССПЭН.

Данилов В. П. (1990). «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый. М.: Политиздат. С. 82–130.

Данилов В. П. (2001). К проблеме альтернатив 20-х гг. // Этот противоречивый XX век. М.: РОССПЭН. С. 217–239.

Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.). (1990). Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.

Данилов В. П., Красильников С. А. (1988). Оппонент «Великого Перелома» // ЭКО. № 8. С. 45–54.

Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1992). Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Сб. документов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.

Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1993). Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР.

Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1994). Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР.

Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1999). Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР.

Ивницкий Н. А., Макуров В. Г. (ред.) (1991). Из истории раскулачивания в Карелии (1930–1931 гг.) (документы и материалы). Петрозаводск: Карелия.

Охотин Н. (2004). Памяти Виктора Петровича Данилова // Демоскоп Weekly. № 155–156. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/nauka02.php (дата доступа: 14.10.2024)

V. P. Danilov: Scientific opponent of the “Great Break”

Sergey A. Krasilnikov, DSc (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: krass49@gmail.com.

Abstract. The past century left a deep mark not only on the life and fate of the Russian peasantry as a civilizational social-cultural community but also on the work of historians who studied it. Among them, one of the most outstanding is Viktor Petrovich Danilov. As a historian of the Soviet era, he enjoyed well-deserved respect and reputation on both sides of the border, having developed a platform for their creative union in two successive documentary works on the tragic history of the Soviet peasantry in the era of etatization of the agrarian economy. The article aims at assessing the professional and personal experience of a participant of the famous Danilov's projects, a representative of the next generation of historians who grew professionally while working with Danilov. The author considers some principles of collective work on serial documentary publications, difficulties of such work and ways to overcome them, which allowed to achieve the final results, focusing on the development of alternativeness in the transformations of the 1920s. Due to its consistent rejection of Stalin's solution to the peasant question, Danilov's legacy serves as a moral challenge to conformism as a widespread historical corporate disease.

Key words: peasant studies, Viktor Petrovich Danilov, N. I. Bukharin, alternative to Stalinism, serial documentary publications

References

Alekseev V. V. (Ed.). (1993) *Raskulachennye spetspereselentsy na Urale (1930–1936 gg.). Sb. dokumentov* [Dispossessed Special Settlers in the Urals (1930–1936). Collection of Documents], Ekaterinburg: UIF Nauka.

Berelovich A., Krasilnikov S., Moshkov Yu. (Eds.). (2012) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. T. 4. 1935–1939 gg.* [Soviet Village through the Eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and Materials. Vol. 4. 1935–1939], Moscow: ROSSPEN.

Borisov A.Yu. (2000) Yury Stepanovich Borisov (1928–1998). *Istoriki Rossii: Poslevoennoe Pokolenie,* Moscow: AIRO–XX, pp. 9–20.

Danilov V. P. (1990) "Bukharinskaya alternativa" ["Bukharin's alternative"]. *Bukharin: chelovek, politik, ucheny*, Moscow: Politizdat, pp. 82–130.

Danilov V. P. (2001) K probleme alternativ 20-h gg. [On alternatives of the 1920s]. *Etot protivorechivy XX vek*, Moscow: ROSSPEN, pp. 217–239.

Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1990) *Bukharin N. I. Put k sotsializmu. Izbrannye proizvedeniya*, Novosibirsk: Nauka.

Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (1988) Opponent "Velikogo Pereloma" [Opponent of the "Great Break"]. *ECO*, no 8, pp. 45–54.

Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1992) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1930—vesna 1931 g. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. 1930—Spring 1931. Collection of Documents], Novosibirsk: Nauka.

Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1993) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. Vesna 1931—nachalo 1933 gg. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. Spring 1930—Early 1931. Collection of Documents], Novosibirsk: EKOR.

Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1933–1938 gg. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. 1933–1938. Collection of Documents], Novosibirsk: EKOR.

Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1999) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1939–1945 gg. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. 1939–1945. Collection of Documents], Novosibirsk: EKOR.

Ivnitsky N. A., Makurov V. G. (Eds.). (1991) *Iz istorii raskulachivaniya v Karelii (1930–1931 gg.) (dokumenty i materialy)* [From History of Dekulakization in Karelia (1930–1931) (Documents and Materials)], Petrozavodsk: Karelia.

Okhotin N. (2004) Pamyati Viktora Petrovicha Danilova [In memory of Viktor Petrovich Danilov]. *Demoskop Weekly*, no 155–156. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/nauka02.php.